

**Письменные замечания заявительницы
по делу № 72376/11 «Сурина против России»**

Ответы на вопросы Суда под буквой (а)

1. Согласно практике Суда, в основу решения о проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий, к которым относится проведенный в отношении заявительницы оперативный эксперимент, может быть положена только «конкретная и объективная информация», которая также должна быть проверяемой (см. *Lagutin and Others v. Russia*, nos. 6228/09 and 4 others, § 91, 24 April 2014). Простые утверждения сотрудников правоохранительных органов о том, что они располагали информацией, касающейся причастности заявителя к совершению преступлений, когда такие утверждения не были проверены с надлежащей тщательностью национальными судами, не могут быть приняты во внимание в качестве допустимого основания проведения указанных мероприятий (см. *Vanyan v. Russia*, no. 53203/99, § 49, 15 December 2005).

2. По делу заявительницы суды не задавались вопросом об обоснованности утверждений оперативного сотрудника М. о том, что у него имелась информация, которая могла быть положена в основу решения о проведении оперативного эксперимента в отношении заявительницы.

3. В заседании суда первой инстанции в ответ на вопрос государственного обвинителя о том, каким образом был установлен Е., подавший в правоохранительные органы заявление о том, что заявительница требует с него деньги, и участвовавший в проведенном в отношении неё оперативном эксперименте, оперуполномоченный М. показал: «Имелись оперативные материалы». В ответ на вопрос защитника о том, была ли у оперуполномоченного М. до начала проведения оперативно-розыскных мероприятий информация о том, что заявительница получила какие-либо денежные средства за сдачу экзаменов и поступление в МГУ, он ответил: «Мне не были известны размеры, суммы, лица, от которых она получала денежные средства, была информация общего характера». В ответ на вопрос

защитника, заданный после оглашения данных на предварительном следствии показаний М., который заключался в том, был ли им зафиксирован тот факт, что заявительница обещала родителям гарантированное поступление их детей, о чем, согласно его показаниям, он рассказал на досудебной стадии следователю, оперуполномоченный М. ответил: «Нет». В ответ на дополнительный вопрос защитника о том, почему тогда он решил проводить в отношении заявительницы оперативно-розыскные мероприятия, оперуполномоченный М. сказал: «Имелись основания для проведения оперативного эксперимента, назвать которые я не могу. Одно из оснований – заявление [Е.,] что от него [заявительница] требовала деньги». В ответ на уточняющий вопрос защитника о том, идет ли речь о заявлении Е., которое датируется 26 апреля 2010 г., то есть днем задержания заявительницы, в то время как постановление о проведении оперативного эксперимента было вынесено за три недели до этого, 07 апреля 2010 г., оперуполномоченный М. ответил: «Да». На прямые вопросы защитника о том, может ли он назвать источник своей осведомленности о том, что заявительница готовилась совершить противоправные действия и получала деньги от родителей абитуриентов, оперуполномоченный М. ответил отрицательно (см. п. 14.63.4 жалобы, поданной в Суд).

4. В связи с отсутствием ссылок на источники информации в постановлении о проведении оперативного эксперимента, рапорте, показаниях М. и каких бы то ни было других материалах дела защитники заявительницы прямо указывали в заседании суда первой инстанции, что на момент начала производства в отношении заявительницы оперативного эксперимента сотрудники УБЭП ГУВД по городу Москве не располагали какой-либо информацией, которую они могли бы предъявить следствию, суду и защите, которая свидетельствовала бы о том, что заявительница подготавливала или совершала преступления; в качестве единственного конкретного основания проведения оперативного эксперимента, которое оперуполномоченный М. назвал суду, было заявление Е., поданное 26 апреля

2010 г., то есть в день завершения оперативного эксперимента (см. п. 14.71.1.1 жалобы, поданной в Суд).

5. Однако суды фактически оставили эти аргументы защиты без тщательного рассмотрения. В приговоре на этот счёт указано лишь следующее: «Суд считает необоснованным заявление защитника... о том, что постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия – «оперативный эксперимент» от 07 [апреля] 2010 года вынесено незаконно и необоснованно, поскольку судом установлено, что каких-либо нарушений действующего законодательства при вынесении данного постановления [допущено] не было, данное постановление является законным и обоснованным. Суд считает необоснованным[и] заявлени[я] защитника... о том, что оперативными сотрудниками в отношении [заявительницы] осуществлена провокация, поскольку... согласно показани[ям]... [заявительницы] и... [С.]... последний дал [Е.] номер телефона [заявительницы] с личного согласия последней, и знакомство [Е.] с [заявительницей] произошло только после осуществления [Е.] звонка по переданному [С.] номеру телефона [заявительницы]» (см. п. 14.73 жалобы, поданной в Суд). Суд второй инстанции ограничился указанием на то, что «доводы кассационных жалоб... о том, что оперативный эксперимент является провокацией, был проведен с нарушением закона и доказательства, полученные в ходе его проведения, подлежат исключению, судебная коллегия считает несостоятельными, поскольку оперативный эксперимент проводился в соответствии с Законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», доводы жалоб об этом тщательно исследовались в ходе судебного разбирательства и обоснованно признаны необоснованными с приведением в приговоре соответствующих мотивов» (см п. 14.78 жалобы, поданной в Суд).

6. В одном из своих вопросов под буквой (а) Суд попросил власти, во-первых, назвать ту имевшуюся у правоохранительных органов конкретную (именно конкретную) информацию, указывающую на возникшее у заявительницы ранее (т.е. до принятия решения о проведении оперативно-розыскного мероприятия) преступное намерение, на основании которой ими

был проведен оперативный эксперимент в отношении заявительницы, а во-вторых, предоставить материалы (документы, расшифровки т.п.), являвшиеся источником этой информации.

7. В ответ на это власти представили копию постановления о проведении оперативного мероприятия в виде оперативного эксперимента от 07 апреля 2010 г., в котором, как отмечено в п. 8 письменных замечаний властей, было указано на «поступление в Главное управление внутренних дел по г. Москве... сообщения в отношении [заявительницы]», в котором указывалось, что она «обещала родителям абитуриентов гарантированное зачисление их детей в высшее учебное заведение в случае передачи ей лично крупной денежной суммы». Однако власти не сослались при этом ни на какие материалы, в которых содержалась бы такая информация и которые могли бы являться основанием для вынесения этого постановления. В рапорте оперативного сотрудника М., положенном в основу указанного постановления и также представленном властями, написано ровно то же самое, что и в постановлении. И в нём также не содержится ссылок на материалы, которые позволили оперативному сотруднику М., никогда не утверждавшему, что он лично являлся очевидцем предполагаемого предшествующего противоправного поведения заявительницы, написать всё это в своём рапорте. И непонятно, как М. мог бы им быть, не являясь ни абитуриентом, ни родителем абитуриента. Копии и постановления, и рапорта заявительница сама предоставила ранее Суду (см. Приложения 1 и 2 к её жалобе) и расписала их содержание в жалобе (см. п.п. 14.20 и 14.21). Поэтому адресованный властям запрос документов явно касался не этих материалов. Никакие другие документы, в которых содержалась бы информация о возникшем у заявительницы ранее преступном намерении, власти не представили. Ни на какие материалы такого рода в письменных замечания не сослались. Все остальные представленные ими документы являются актами, созданными уже в процессе оперативного эксперимента, а также материалы судебного разбирательства. Таким образом, власти не назвали и не предоставили запрошенные Судом документы, на основании которых можно было бы

сделать вывод о наличии информации, положенной в основу решения о проведении оперативного эксперимента.

8. В своих письменных замечаниях власти фактически сделали ровно то же самое, что оперуполномоченный М. и национальные суды: заявили о наличии «достаточных оснований полагать, что действия заявительницы носят противоправный характер, умысел на совершение преступления сформировался у неё независимо от действий сотрудников правоохранительных органов», однако не сослались при этом ни на какие источники конкретной и проверяемой информации, которая свидетельствовала бы об этом, ограничившись абстрактной ссылкой на «анализ сведений, содержащихся в документах, оформленных в связи с проведением оперативно-розыскного мероприятия в виде оперативного эксперимента... при сопоставлении с показаниями допрошенных свидетелей» (см. п. 22 письменных замечаний властей). При этом власти сослались на показания С., Е. и М., ни одни из которых не касаются совершения заявительницей каких бы то ни было преступлений до принятия решения о проведении в отношении неё оперативного эксперимента, равно как формирования у неё умысла на их совершение, не считая утверждений М., критика которых дана выше (см. п.п. 19, 20 и 21 письменных замечаний властей). Помимо этого власти сослались лишь на «документы, оформленные в связи с проведением оперативно-розыскного мероприятия», которые не являются документами, которые могли бы быть положены в основание решения о проведении такого мероприятия: ими оформлены ход и содержание самого этого мероприятия (см. п. 21 письменных замечаний властей).

9. Что касается Е., его заявления и показаний, то когда власти ссылаются на получение информации от частного лица, Суд рассматривает вопрос о том, сотрудничало ли это лицо с правоохранительными органами, являлось ли оно их информатором, поскольку риск провокации, когда такое лицо принимает участие в оперативно-розыскном мероприятии, очень велик (см. *Miliniene v. Lithuania*, no. 74355/01, §§ 37-38, 24 June 2008; *Malininas v.*

Lithuania, no. 10071/04, § 37, 1 July 2008; *Gorgievski v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*, no. 18002/02, §§ 52-53, 16 July 2009).

10. Поскольку Е. являлся единственным лицом, которое было прямо названо в качестве предполагаемого источника получения информации в отношении заявительницы, вопрос о том, сотрудничал ли он ранее с правоохранительными органами, а тем более – конкретно с оперуполномоченным М., проводившим оперативно-розыскное мероприятие в отношении заявительницы, был очень важен для решения вопроса о том, имела ли место провокация преступления.

11. Защита заявительницы трижды пыталась представить суду документы, подтверждающие многократные созвоны Е. с оперуполномоченным М. еще до знакомства Е. с заявительницей. Впервые защита попыталась сделать это сразу же по получении таких документов. А запрошены защитой они были сразу же, как только в судебном заседании была исследована истребованная судом информация о телефонных соединениях Е. (см. п.п. 14.68 и 15.41 жалобы, поданной в Суд). Однако суд трижды отказал в удовлетворении этого ходатайства фактически без содержательной мотивировки: сначала со ссылкой лишь на то, что «оснований для исследования указанных сведений не имеется», а затем – на то, что решение по этому вопросу уже принято (см. там же).

12. В своих письменных замечаниях власти даже не попытались ответить на вопрос Суда о том, была ли заявительница лишена в связи с этим процессуальных гарантий применительно к её заявлениям о совершении в отношении неё провокации: они лишь отметили, что суд отказал в удовлетворении ходатайства защиты со ссылкой на отсутствие оснований для исследования письменной справки оператора связи «Вымпелком» (см. п. 26 письменных замечаний властей).

13. Таким образом, фактически заблокировав приобщение к материалам дела, введение в процесс рассмотрения по существу предъявленного заявительнице уголовного обвинения указанной справки, доказывавшей, в совокупности с имеющимися в деле материалами,

сотрудничество Е. с оперуполномоченным М., свидетельствующее о том, что Е. не являлся частным лицом, сообщившим о совершаемом в отношении него преступлении, но, будучи участником оперативного эксперимента, являлся агентом-provocateur, суд тем самым, безусловно, лишил заявительницу названных гарантий. И власти не привели абсолютно никаких доводов в опровержение этого.

14. Таким образом, в нарушение гарантированного статьей 6 § 1 Конвенции права на справедливое судебное разбирательство по предъявленному заявительнице уголовному обвинению в отношении неё была осуществлена провокация преступления, поскольку решение о проведении оперативного эксперимента было принято в отсутствие конкретной, объективной и проверяемой информации, которая свидетельствовала бы о формировании у заявительницы преступного намерения и могла бы быть положена в основу такого решения, на такого рода информацию не ссылались ни национальные суды, ни власти в своих письменных замечаниях, решение о негласном мероприятии было принято на основании одних лишь утверждений оперативного сотрудника М. о том, что он располагал соответствующей информацией, конкретных источников которой он не назвал, не считая ссылок на заявление Е., при том, что – без адекватной мотивировки и в нарушение процессуальных гарантий защиты от провокации – судом было заблокировано введение в процесс доказательств активных контактов Е. с оперуполномоченным М. ещё до знакомства с заявительницей, защите было отказано в тщательном и всестороннем рассмотрении в состязательном процессе её конкретных аргументов в пользу осуществления в отношении заявительницы провокации.

Ответы на вопросы Суда под буквой (b)

15. Заявительнице были вменены в качестве преступных действия, совершенные ей, согласно приговору, во время встреч с Е. 07, 19 и 26 апреля 2010 г.:

«07 апреля 2010 года [заявительница]... сообщила [Е.], что за денежное вознаграждение... в размере 35 000 евро... она окажет помощь [его сестре]... в поступлении на [факультет государственного управления Московского государственного университета – ФГУ МГУ], и указала эти требования на листе бумаги, собственноручно написав сумму денежного вознаграждения «35 тыс.» и знак... евро, после чего предъявила этот листок для обозрения [Е.] <...>

...19 апреля 2010 года [заявительница]... подтвердила [Е.] гарантии поступления [его сестры] на... [ФГУ МГУ] за денежное вознаграждение... в размере 35 000 евро, получила от него письменную работу [его сестры] и авторучку [которой та выполняла задания в рамках олимпиады]. При этом [заявительница] сообщила [Е.] о том, что при необходимости сможет исправить ответы в работе [его сестры]. <...>

...26 апреля 2010 года [заявительница]... при встрече с [Е.] подтвердила последнему гарантии того, что [его сестра] станет победителем либо призером олимпиады... и [с учетом этого] поступит... на [ФГУ МГУ]. После [этого заявительница] получила от [Е.] под предлогом оплаты ее услуг, а в действительности с целью хищения... оговоренные 35 000 евро...» (см. п.п. 14.60.3, 14.60.6 и 14.60.8 жалобы, поданной в Суд).

16. Из всех доказательств, положенных в основу приговора в отношении заявительницы (все они перечислены в п. 14.61 жалобы, поданной в Суд), только следующие касаются содержания разговоров заявительницы с Е. во время указанных выше встреч 07, 19 и 26 апреля 2010 г.: (1) показания Е.; (2) показания А., являющегося другом Е., об обстоятельствах встречи заявительницы с Е. 19 апреля 2010 г., на части которой он присутствовал; (3) DVD-диски с аудио- и видеозаписями разговоров заявительницы с Е. 07, 19 и 26 апреля 2010 г., изготовленные, согласно документам, составленным оперуполномоченным М., организовавшим проведение оперативных мероприятий, в результате перезаписи соответствующих файлов с диктофона и накопителя, присоединенного к скрытой камере, с которых оригиналы записей были, согласно тем же документам, удалены (см. п.п. 14.26, 14.33 и

14.42 жалобы, поданной в Суд), а также видеокассета, на которой зафиксирован осмотр места происшествия 26 апреля 2010 г.

17. Власти в своих письменных замечаниях прямо не оспаривают факт использования для обоснования приговора указанных DVD-дисков и видеокассеты. Но текст п. 28 их письменных замечаний может быть интерпретирован как оспаривание ими этого факта: «При постановлении приговора суд сослался на часть материалов оперативно-розыскных мероприятий. В этой связи отмечается, что решение вопроса о том, какие доказательства из числа представленных сторонами надлежит положить в основу приговора, относится к исключительной компетенции суда».

18. Поэтому заявительница подчеркивает, что суд первой инстанции прямо и явно сослался на эти DVD-диски и видеокассету при постановлении приговора: «...виновность подсудимой подтверждается письменными материалами уголовного дела, исследованными в судебном заседании... вещественными доказательствами... 3 «DVD-R» диска... на которых зафиксированы результаты оперативно-розыскных мероприятий, осуществленных в отношении [заявительницы] 07, 19 и 26 апреля 2010 года; видеокассета... на которой зафиксирован осмотр места происшествия...» (см. с. 11 и 13 Приложения 49 к жалобе, поданной в Суд).

19. При этом, что важно, суд первой инстанции не стал класть в основу приговора ни одно из собранных на предварительном следствии, представленных государственным обвинителем и исследованных в судебном заседании доказательств, которые были производны от этих DVD-дисков и видеокассеты, в которых, согласно утверждениям следствия и обвинения, было зафиксировано содержание разговоров между заявительницей и Е. во время их встреч 07, 19 и 26 апреля 2010 г.: ни составленные оперуполномоченным М. акты осмотра диктофона и прослушивания фонограмм от 07 и 20 апреля 2010 г. и акт расшифровки аудиозаписи от 26 апреля 2010 г., ни заключения трех судебно-фоноскопических экспертиз, в выводах которых предположительно «содержалось дословное содержание разговор[ов]», состоявшихся между заявительницей и Е. 07, 19 и 26 апреля

2010 г. И это прямо признано в кассационном определении, где указано следующее: «Мнение защиты о том, что в основу приговора не могут быть положены аудиофайлы с записями проводимого оперативного эксперимента, так как оригиналы записей уничтожены... и фоноскопическая экспертиза по ним не проводилась, судебная коллегия признает несостоятельными... [поскольку с]уд, обосновывая свои выводы о виновности [заявительницы] не ссылаясь на акты, которые раскрывают содержание данных аудиофайлов, а основываясь на других доказательствах, которые были исследованы в ходе судебного разбирательства» (см. страницу 7 Приложения 53 к жалобе, поданной в Суд). В части заключений фонографических экспертиз такое решение суда, возможно, было вызвано признанием обоснованной их обширной критики в заключении специалиста Г., представленном защитой заявительницы, и показаниях специалиста Г., данных в судебном заседании (см. п. 14.66 жалобы, поданной в Суд). Однако в любом случае факт остаётся фактом: никакие доказательства, производные от DVD-дисков и видеокассеты, не были положены в основу приговора, в результате чего сами эти DVD-диски и видеокассета оказались единственными, не считая показаний Е. и самой заявительницы, доказательствами, на которые сослался суд, отражавшими – предположительно – содержание разговоров заявительницы с Е., имеющими критически важное значение с точки зрения возможности признать её виновной.

20. И эти DVD-диски и видеокассета не были исследованы судами, то есть не были осмотрены и прослушаны в судебном заседании. Они были осмотрены только на предмет установления метаданных файлов – во время допроса специалиста Г. по ходатайству защиты. На что заявительница указывала в своей жалобе (см. п. 14.69) и что прямо подтвердили власти в п. 27 их письменных замечаний, признав, что «согласно протоколам судебных заседаний... аудио- и видеоматериалы оперативно-розыскных мероприятий по уголовному делу не просматривались...»

21. При этом власти указали, что они не просматривались «в связи с отсутствием соответствующих ходатайств». Однако смысл этого комментария

остаётся непонятным. Указанные DVD-диски и видеокассета были использованы судами для обоснования вывода о виновности заявительницы в совершении преступления. Они собраны, сформированы как доказательства оперативным сотрудником и следователем. И именно в результате этого появились в уголовном деле. Они были положены в основу обвинительного заключения (см. с. 24 Приложения 45 к жалобе, поданной в Суд). И хотя государственный обвинитель в итоге не предъявил их суду, однако судами они использованы как доказательства, подтверждающие вывод о виновности. Вопросы, поставленные Судом под буквой (b), не являются вопросами о том, была ли защите заявительницы предоставлена возможность сослаться на эти вещественные доказательства как на оправдывающие её. Если бы защита желала этого, то она, действительно, могла бы заявить ходатайство об их исследовании в судебном заседании, а отсутствие такого ходатайства могло бы означать, что защита заявительницы сама не стала реализовывать такую возможность, которая у неё имелаась. Однако вопросы Суда не касаются всего этого. Они касаются только и исключительно того, исследовали ли судьи, сославшиеся в своих выводах о виновности заявительницы на DVD-диски и видеокассету, данные вещественные доказательства непосредственно в открытом судебном заседании, а если нет, – что соответствует действительности и фактически не оспаривается властями, – то имелись ли исключительные обстоятельства, которые оправдывали бы отступление от принципа непосредственности, и сослались ли на них национальные суды. Власти не назвали таких обстоятельств. Равно как не привели никаких ссылок на такие обстоятельства, которые были бы сделаны национальными судами. Заявительница не смогла обнаружить таких ссылок в материалах уголовного дела, на что указывала в своей жалобе, поданной в Суд, и повторяет в настоящих письменных замечаниях. Ответы на вопросы Суда под буквой (b) в письменных замечаниях властей фактически отсутствуют: принцип непосредственности, которого касается первый из этих вопросов, упоминается только при воспроизведении этого вопроса. Если власти имели в виду, что заявительница, не заявив ходатайство о просмотре и прослушивании

дисков и видеокассеты, отказалась от своего права на их исследование, то – даже если условно допустить, что от права на непосредственное исследование доказательство судом в принципе можно отказаться – у заявительницы никогда не выяснялось, согласна ли она на это, понимает ли она последствия этого, и никакие её действия не свидетельствовали о том, что она отказывается от права на то, чтобы какие бы то ни было доказательства, представленные обвинением, были исследованы непосредственно судом. В то время как любой отказ от права должен быть недвусмысленным и сопровождаться проверкой понимания последствий такого отказа (см. *Pfeifer and Plankl v. Austria*, 25 February 1992, § 37, Series A no. 227; *Hermi v. Italy* [GC], no. 18114/02, § 74, ECHR 2006-XII; *Sejdovic v. Italy* [GC], no. 56581/00, § 87, ECHR 2006-II). Ни о чём подобном в случае заявительницы говорить невозможно. Это не зафиксировано в протоколе судебного заседания, на это не ссылались национальные судьи, и прямо власти не утверждали такого – тем более содержательно – в своих письменных замечаниях.

22. Заявительница также хотела бы обратить внимание, что исследование DVD-дисков и видеокассеты со всей очевидностью не требовало от суда времени, несоизмеримого с исследованием других доказательств, которые были исследованы: суд исследовал сразу несколько доказательств, в которых, по утверждению следствия и обвинения, содержались расшифровки разговоров, предположительно зафиксированных на указанных вещественных доказательствах – это составленные оперуполномоченным М. акты осмотра диктофона и прослушивания фонограмм от 07 и 20 апреля 2010 г. и акт расшифровки аудиозаписи от 26 апреля 2010 г., а также заключения трех судебно-фоноскопических экспертиз, в выводах которых предположительно «содержалось дословное содержание разговор[ов]», состоявшихся между заявительницей и Е. 07, 19 и 26 апреля 2010 г., на которые суд в итоге не стал ссылаться в приговоре. Очевидно, что исследование, оглашение каждого такого документа по времени соотносимо с исследованием, прослушиванием, просмотром записи на диске или видеокассете. Также у суда явно не имелось непреодолимых технических

проблем с исследованием этих вещественных доказательств: суд исследовал по ходатайству защиты заявительницы свойства файлов на DVD-дисках и видеокассете во время допроса специалиста Г., не столкнувшись с какими бы то ни было техническими трудностями (см. п. 14.69 жалобы, поданной в Суд).

23. И даже если допустить, что суд первой инстанции мог сослаться на не исследованные в судебном заседании DVD-диски и видеокассеты по небрежности, то этого нельзя сказать про суд кассационной инстанции, поскольку в жалобе на приговор защитника заявительницы было прямо и однозначно указано на это нарушение (см. п. 14.76 жалобы, поданной в Суд), однако эта претензия осталась абсолютно без ответа со стороны суда второй инстанции (см. п.п. 14.77—80 жалобы, поданной в Суд).

24. При этом, согласно показаниям А., 19 апреля 2010 г. между ним, Е. и заявительницей «шла поверхностная беседа о сложности поступления в МГУ... и последующего обучения там, а также о возможности помощи с ее стороны при поступлении и в процессе обучения. [Заявительница] рассказывала, что может оказать любую помощь при поступлении в МГУ... и последующем обучении. Речи о каком-либо денежном вознаграждении за ее услуги между [Е.] и [заявительницей] не было. Но сама суть разговора... предполагала последующую оплату ее услуг со стороны... [Е.]» (см. п.п. 14.61.6 и 14.64 жалобы, поданной в Суд).

25. Таким образом, А. в своих показаниях не сообщал ничего из того, чтобы было вменено заявительнице применительно к её встрече с Е. 19 апреля 2010 г.: ни о предоставлении заявительницей гарантий поступления сестры Е. в МГУ за денежное вознаграждение в размере 35 000 евро, ни о получении заявительницей от Е. письменной работы его сестры и авторучки.

26. Соответственно, названные выше DVD-диски и видеокассета с аудио- и видеозаписями разговоров заявительницы с Е. являются если и не единственными – исключительно в силу наличия показаний Е. (см. п. 14.62 жалобы, поданной в Суд, в т.ч., в отношении указанных выше встреч с заявительницей) – доказательствами, положенными в основу приговора, то совершенно точно критически важными, определяющими (decisive).

27. При том, что заявительница всегда опровергала показания Е. об обстоятельствах встречи с ним. О встрече 07 апреля 2010 г. она сообщала, что Е. спрашивал её, как можно повысить уровень подготовки его сестры к поступлению. Она рассказала ему, как функционируют подготовительные курсы, как работает лицей, а также принесла материалы, касающиеся подготовительных курсов, олимпиады, сборник для абитуриентов МГУ. Во время встречи 19 апреля 2010 г. она передала Е. темы для подготовки к написанию эссе по обществознанию и английскому языку, математические тесты. Поговорив в целом об обучении в МГУ и поступлении на ФГУ МГУ, они решили вернуться к вопросу о подготовке к этому его сестры после того, как станут известны результаты ее участия в олимпиаде. Часть разговора проходила в присутствии А. Наконец, во время встречи 26 апреля 2010 г. через несколько минут после того, как они сели за столик в отдельном помещении ресторана, Е. со словами: «Там, вроде, все, как и договаривались», – передал заявительнице крупноформатный конверт, в котором, по её мнению, должны были находиться работы его сестры, переданные для проверки, и 1000 евро. Е. не показывал ей содержимое конверта. Заявительница положила этот конверт в свою сумку, даже не открывая. Спустя пару минут Е. сказал, что ему необходимо ненадолго выйти. Он покинул кабинку ресторана, а заявительница стала набирать СМС-сообщение на телефоне. В это время в кабинку вошло несколько человек, двое из них предъявили удостоверения и сообщили, что проводят осмотр места происшествия. Через некоторое время, после изъятия у неё мобильного телефона, приглашения понятых и совершения ряда других организационных действий, один из вошедших – оперуполномоченный М. – открыл сумку заявительницы, стоявшую на диване непосредственно около входа в отдельное помещение ресторана, и показал присутствующим, что прямо сверху, без конверта в ней лежит пачка банкнот по 500 евро. Заявительница сообщала, что её неизвестно, что фактически находилось в конверте, переданном ей Е., так как она не успела посмотреть в него за те несколько секунд, которые прошли с момента выхода Е. из отдельного помещения ресторана, где они с ними сидели, до момента

появления в нем оперуполномоченного М. с другими людьми, поскольку в этот момент она набирала СМС-сообщение, что отражено на видеозаписи проведенного в отношении неё, как позже выяснилось, оперативно-розыскного мероприятия. Однако в этом конверте точно находилось эссе сестры Е., выполненное якобы для проверки заявительницей, поскольку оно вместе с другими документами лежало в её сумке, когда позже она была возвращена ей (см. п.п. 14.11, 14.14 и 14.16 жалобы, поданной в Суд).

28. Е. же, согласно протоколу судебного заседания, показал, что во время встречи 07 апреля 2010 г. он «спросил, знает ли [заявительница] результаты... тестов [его сестры], на что она ответила, что знает и они средние. На [это он] спросил: «Что надо делать далее [его сестре] для последующего поступления?». [Заявительница] попросила [его] подождать и ушла якобы с кем-то посоветоваться по поводу шансов [его сестры]. Вернувшись, она положила на свой рабочий стол папку с какими-то листами... На правом поле верхнего в стопке листа была надпись «35 000[»] и значок евро... [Заявительница] рукой обратила [его] внимание на эту запись, но ничего при этом вслух не сказала. После [этого он] предложил ей встретиться и обсудить данный вопрос, делая вид, что все понял и собира[ется] согласиться на ее предложение о деньгах...». На встрече 19 апреля 2010 г. заявительница, со слов Е., сообщила ему, что «для поступления на [ФГУ МГУ] необходимо передать [ей] 35 000 евро и по результатам ранее написанных тестов [его] сестра... будет принята в МГУ по результатам любых [результатов] ЕГЭ [единого государственного экзамена]. [Заявительница] заверила, что в случае получения от [него] 35 000 евро... она полностью будет контролировать и «вести» [его сестру] при подаче документов на поступление в МГУ... С ее слов, эти деньги предназначались для гарантированного поступления [его сестры] по результатам ЕГЭ. Также [он] отдал на этой встрече ручку, которой [его сестра] писала очную олимпиаду, и полученную ранее от [его сестры] работу – эссе...». На встрече же 26 апреля 2010 г., как сообщил Е. суду, они «довольно быстро обсудили опять процедуру поступления [его сестры] на [ФГУ] МГУ, на что [заявительница] вновь заверила [его], что за полученные

от [него] деньги она гарантирует последующее поступление [его] сестры... [Он] достал конверт с 70 [банкнотами] по 500 евро... достал [деньги] из конверта и положил на стол, предлагая [заявительнице] их взять. Она взяла конверт с деньгами и так же вместе с конвертом убрала в сумку...» (см. п.п. 14.62.1.5, 14.62.1.13 и 14.62.1.18—19 жалобы, поданной в Суд).

29. Защита заявительницы представила судам многочисленные аргументы в пользу того, что Е. давал на следствии и в суде ложные показания:

вопреки его утверждением, будто бы «10 апреля 2010 года с номера мобильного телефона [заявительницы] на [его] номер мобильного телефона поступило [СМС]-сообщение... [он] перезвонил ей и [заявительница сказала, что его сестра] должна написать олимпиаду, по результатам которой будет иметь преимущество при поступлении, и ее обязательно примут на данный факультет...» (см. п. 14.62.1.7 жалобы, поданной в Суд), согласно протоколу соединений по используемому Е. абонентскому номеру (мобильному телефону), предоставленному по запросу суда ОАО «МТС», 10 апреля 2010 г. Е. не звонил заявительнице, а она не звонила ему (см. с. 31—33 Приложения 48 к жалобе, поданной в Суд);

показания [Е.] о том, что заявительница попросила его принести авторучку, которой его сестра выполняла очный этап олимпиады, сделав это в инициированном им самим телефонном разговоре 19 апреля 2010 г., состоявшемся после предполагаемого получения от неё СМС-сообщения с просьбой принести какое-нибудь эссе его сестры (см. п.п. 14.62.1.11—12 жалобы, поданной в Суд), противоречат рапорту оперуполномоченного М., которым он еще за день до этого, то есть 18 апреля 2010 г., сообщил своему начальнику о просьбе заявительницы предоставить указанную авторучку, предположительно высказанной заявительницей в ходе звонка Е. (см. п. 14.28 жалобы, поданной в Суд). При этом в рапорте оперуполномоченного М. также содержатся ложные утверждения, так как согласно протоколу соединений 18 апреля 2010 г. заявительница не звонила Е. (см. с. 40—41 Приложения 48 к жалобе, поданной в Суд);

вопреки утверждениям Е., будто бы «10 апреля 2010 года с номера мобильного телефона [заявительницы] на [его] номер мобильного телефона поступило [СМС]-сообщение со следующим текстовым содержанием: «Анатолий, [д]обрый день! Лиза в списке победит[елей] 1 этапа, нужно будет с 12 по 17 апреля зарег[истрироваться на очный тур. Расписание и список документов на сайте олимпиады. Полина», «19 апреля 2010 года [ему] на мобильный телефон пришло с номера [заявительницы]... [СМС]-сообщение следующего содержания: «Анатолий! Добрый день! Мы сегодня встречаемся? Если да, то давайте со временем определимся», а «20 апреля 2010 года на [его] номер телефона с номера [заявительницы]... пришло [СМС]-сообщение: «Анатолий, лучше нам до четверга встретиться» (см. п.п. 14.62.1.7, 14.62.1.9 и 14.62.1.15 жалобы, поданной в Суд), согласно протоколу соединений, ни 10, ни 19 (равно как и 18), ни 20 апреля 2010 г. Е. не получал от [заявительницы] никаких СМС-сообщений (см. с. 37—53 Приложения 48 к жалобе, поданной в Суд; хотя такие сообщения при этом были каким-то образом «обнаружены и зафиксированы» при осмотре его телефона – см. п. 14.70 там же);

вопреки утверждениям Е., будто бы в начале апреля 2010 г. ему «позвонил незнакомый мужчина, представился оперативным работником УБЭП ГУВД по г[ороду] Москве[,] предложил... встретиться... [и н]а встрече... представился [М.]» (см. п. 14.62.1.2—3 жалобы, поданной в Суд), согласно протоколу соединений только в период с 01 марта и до первого звонка Е. заявительнице, который имел место 15 марта 2010 г. (см. п. 14.6 жалобы, поданной в Суд; в протокол включены данные о соединениях, начиная с 01 марта 2010 г.), между Е. и абонентом с номером (963) 750 1985 состоялось 36 телефонных разговоров (см. с. 3—30 Приложения 48 к жалобе, поданной в Суд), согласно информации оператора мобильной связи ОАО «Вымпелком» телефонные номера (963) 750 1985 и 745 1985 являются единым номером (см. с. 24—25 Приложения 52 к жалобе, поданной в Суд), а согласно протоколу допроса в качестве свидетеля оперуполномоченного М. от 13 мая 2010 г. телефоном с номером 745 1985 пользуется именно он (см. Приложение 38 к жалобе, поданной в Суд);

вопреки утверждениям Е., будто бы 07 апреля 2010 г. ему был выдан диктофон в здании УБЭП ГУВД по городу Москве и в тот же день он там же вернул его (см. п. 14.62.1.4 и 14.62.1.6 жалобы, поданной в Суд), согласно протоколу соединений, в то время, когда, в соответствии с актами от 07 апреля 2010 г. (см. п. 14.23—24 жалобы, поданной в Суд), Е. принимал участие в их составлении в здании УБЭП ГУВД города Москвы, его мобильный телефон и, следовательно, надо полагать, он сам, находился на расстоянии от 6 до 22 километров от места расположения здания УБЭП ГУВД города Москвы (см. с. 31—36 Приложения 48 к жалобе, поданной в Суд);

вопреки утверждениям Е., будто бы после второй встречи с заявительницей 19 апреля 2010 г. он вернул диктофон «на следующий день», то есть 20 апреля 2010 г. (см. п. 14.62.1.14 жалобы, поданной в Суд), согласно акту осмотра и возврата техсредств, это произошло 19 апреля 2010 г. (см. п. 14.31 жалобы, поданной в Суд). Кроме того, согласно протоколу соединений, телефон Е. в принципе не был в районе здания УБЭП ГУВД города Москвы ни в то время, когда, как указано в акте осмотра и возврата техсредств от 19 апреля 2010 г., он принимал участие в его составлении, ни 20 апреля 2010 г. (см. с. 41—47 Приложения 48 к жалобе, поданной в Суд). Чтобы скрыть все эти нестыковки, следствие и оперативные сотрудники органов внутренних дел пылись не допустить появления в материалах дела протоколов соединений по абонентским номерам (мобильным телефонам), используемым Е. и заявительницей. С этой целью они, возможно, сфабриковали данные об отказе судьи Московского городского суда в даче разрешения на их получение, поскольку ничто в материалах дела не свидетельствует о том, что кто-либо когда бы то ни было обращался за таким разрешением (см. Приложения 33 и 34 к жалобе, поданной в Суд);

вопреки утверждениям Е., будто бы «[он вынул] конверт с 70 [банкнотами] по 500 евро... достал [деньги] из конверта и положил на стол, предлагая [заявительнице] их взять... [она] взяла конверт с деньгами и также вместе с конвертом убрала в сумку» (см. п. 14.62.1.19 жалобы, поданной в Суд), на оперативной видеозаписи, соответствующая часть которой доступна

в интернете (см. п. 14.47 жалобы, поданной в Суд), явно видно, что конверт передается из рук в руки закрытым и заявительница, не открывая, кладёт его в свою сумку (см. п. 14.71.2 жалобы, поданной в Суд).

30. При таких противоречиях в показаниях заявительницы и Е., являвшихся единственными участниками трёх ключевых встреч (если не считать А. применительно к фактически незначимой части одной из этих встреч), а также учитывая многочисленные претензии защиты заявительницы к достоверности показаний Е., DVD-диски и видеокассета с аудио- и видеозаписями разговоров заявительницы с Е. тем более оказываются ключевыми, определяющими доказательствами, положенными в основу приговора: они и лишь они не только свидетельствуют о содержании разговоров заявительницы и Е., но и позволяют разрешить противоречия между показаниями заявительницы и Е.

31. И столько важные доказательства, на которые суд сослался при обосновании своих выводов о виновности заявительницы в совершении преступления, действительно не были исследованы в судебном заседании, каким образом суды узнали о содержании этих доказательств, осталось неизвестным, суды в своих актах, равно как и власти в своих письменных замечаниях, не указали абсолютно никаких оснований, в том числе исключительных, которые позволили бы подобное отступление от принципа непосредственности исследования доказательств в открытом судебном заседании, в результате чего указанный принцип был нарушен в нарушение тем самым гарантированного статьей 6 § 1 Конвенции права заявительницы на справедливое судебное разбирательство по предъявленному ей уголовному обвинению.

Олег Олегович Анищик,
представитель заявительницы